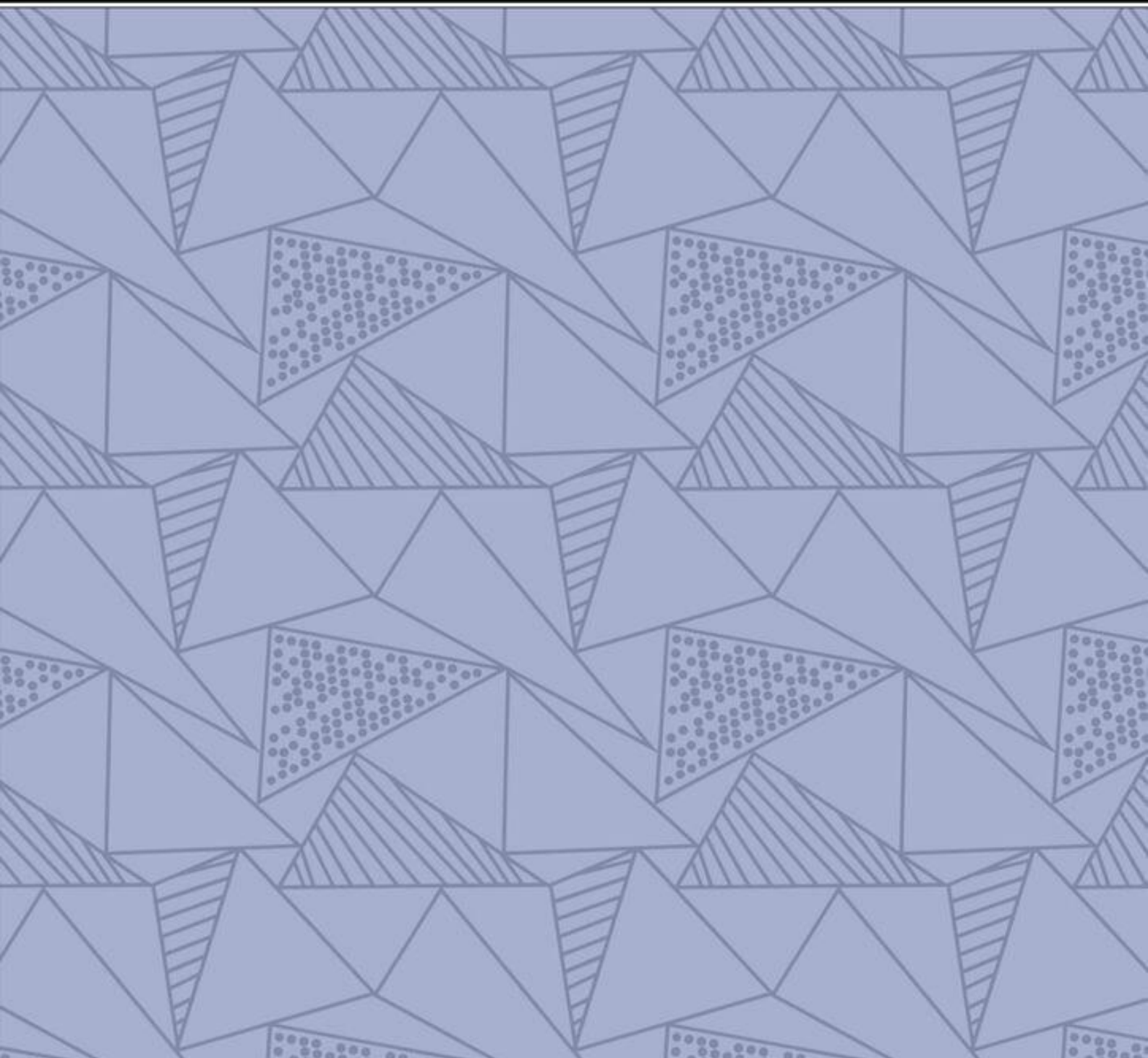

12+

Кирилл Б.

За гранью

Кирилл Б.
За гранью

«Издательские решения»

Б. К.

За гранью / К. Б. — «Издательские решения»,

Он приходит в себя на песке. Голова пуста, море спокойно, пальмы отмеряют ритм: пять секунд — пауза. Остров кажется идеальным убежищем, пока первая попытка уплыть не заканчивается ледяным параличом. Тогда он начинает задавать вопросы. Почему здесь нет страха? Почему руки помнят то, чего не помнит разум? Но готов ли он к тому, что правда окажется страшнее острова? И кто на самом деле рассказывает эту историю — человек или голос, который никто не слышит?

© Б. К.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

За гранью

Кирилл Б.

© Кирилл Б., 2026

ISBN 978-5-0070-3466-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Он пришёл в себя на песке.

Сначала вернулись звуки. Мерный, тяжелый удар — его собственное сердце. Потом шипение волны, уползающей обратно в море. Потом крик птицы где-то высоко, резкий и одинокий.

Он открыл глаза. Свет был ярким, но не злым. Солнце висело над горизонтом, чуть размытое дымкой. Песок был серым, плотным, чуть влажным. Пахло солью и водорослями — обычный морской запах.

Он сел. Движение далось странно легко, будто тело долго лежало в неподвижности, но не ослабло, а просто ждало сигнала. На руках — никаких следов, только песчинки прилипли к коже. Он стряхнул их и стал смотреть на свои ладони. Обычные ладони, с линиями жизни и мелкими шрамами у костяшек. Чьи они — он не знал.

В голове была пустота. Не боль, не шум — именно пустота, как в доме, откуда съехали жильцы. Ни имени, ни воспоминания. Только факты: море, песок, небо, он. И тихое, спокойное ощущение, что так и должно быть.

Мой голос ты не услышишь. Я не вторгаюсь в мысли. Я просто рассказываю тебе, читатель, что происходило. Считай это примечанием на полях.

Он поднялся на ноги. Отряхнул песок с одежды — простые темные штаны и светлая рубаша с закатанными рукавами. Одежда была чистой и удобной. Обуви не было.

Остров перед ним лежал плоский и неширокий. Метров двести в поперечнике. Пальмы росли не рощей, а поодиночке, пять или шесть штук. В центре поднимался невысокий холм, заросший кустарником. Вправо уходила полоса пляжа, упираясь в скальный мыс. Влево — песок тянулся до прозрачного ручья, который выбегал из зелени и исчезал в море.

Ни дыма. Ни лодки. Ни следа человека.

Он пошёл к ручью. Ноги ступали по песку мягко и размеренно. Вода в ручье оказалась пресной и ледяной, от нее заломило зубы. Он напился. Потом выпрямился и снова оглядел остров. Что-то в нём было не так. Не угроза, нет. Просто чувство, будто смотришь на очень хорошую картину. Слишком точную. Слишком продуманную.

Он крикнул. Просто короткое «эй». Звук ушёл в море и умер без эха.

Никто не ответил.

Меня всегда трогает этот момент. Первый крик. В нём столько всего сразу: надежда, страх, вызов. И почти всегда — тишина, которую некому нарушить.

Он сел на песок у ручья и стал думать. Мысли шли медленно, как вода в этом ручье. Нужно найти ночлег. Нужно осмотреть холм. Нужно понять, есть ли здесь звери или змеи.

Обычные мысли для человека, который оказался на острове. Слишком обычные. Они приходили без паники, без лишней суеты, словно выученный урок.

Он сжал пальцами горсть песка. Песок вытек сквозь пальцы, оставив на ладони несколько влажных крупинок. Он смотрел на них, и внутри медленно поднималось странное чувство. Не страх. Скорее вопрос, который он пока не мог сформулировать. Что-то было не на своём месте.

Ветер дул тёплым и лёгким, вполне хорошим потоком. Пальмы качались плавно, как метроном. Волны накатывали на берег через равные промежутки времени.

Он вдруг понял, что считает эти промежутки.

Пять секунд. Пауза. Пять секунд. Пауза.

Он встал и пошёл к холму. Нужно было чем-то занять руки. И чем-то занять голову, потому что в пустоте, оставленной отсутствием памяти, начинал звенеть этот вопрос. И вопрос был простой.

Почему мне не страшно?

Потому что страх — это роскошь. Пока ты в безопасности, ты не боишься. А он был в безопасности. Правда, он этого ещё не знал.

К вечеру он соорудил навес у подножия холма. Собрал сухие пальмовые листья, наломал веток кустарника, связал их волокнами коры. Руки работали уверенно, словно делали это сотни раз. Он не помнил, чтобы когда-то вязал узлы, но пальцы помнили.

Когда солнце село, он сидел спиной к стволу пальмы и смотрел на звёзды. Небо было чистым, без единого облачка. Звёзды горели ярко и ровно. Он поискал глазами знакомые созвездия, но не нашёл. Впрочем, он не был уверен, что помнит, как они выглядят.

Где-то внутри, очень тихо, шевельнулась тревога. Он не дал ей хода. Просто закрыл глаза и стал слушать море.

Пять секунд. Пауза. Пять секунд. Пауза.

Завтра он решил построить плот. Не потому что верил в спасение. Просто нужно было чем-то занять завтрашний день.

Глава 2

Я проснулся от того, что солнечный свет переполз мне на лицо. Он был тёплый и настойчивый, как рука, которая трогает за плечо. Я открыл глаза. Пальмовые листья над головой чуть шуршали. Ветер не изменился — всё тот же, тёплый и лёгкий.

Я сел и потянулся. Тело отозвалось приятной тяжестью в мышцах. Никакой боли, никакой утренней скованности. Спал я прямо на песке, подстелив только охапку листьев, но спина не ныла. Я отметил это без удивления. Просто факт.

Вчера я решил строить плот. Сегодня я начал.

Плот — это классика. Все строят плот. Это заложено в сценарий так же надёжно, как восход солнца. Я не вмешиваюсь. Я смотрю.

Первым делом я пошёл к пальмам. Их было шесть. Я обошёл каждую, похлопал по стволам, прикинул, какие ветки можно срезать. Инструментов не было. Я поискал глазами что-нибудь острое — камень, осколок ракушки, — но под руку ничего не попадалось. Тогда я подошёл к скальному мысу на восточной стороне острова. Там из песка торчали серые обломки известняка с неровными краями. Один из них лёг в ладонь как топор. Тяжёлый, с грубой режущей кромкой.

Я вернулся к пальмам и принялся за работу.

Дело шло быстрее, чем я ожидал. Камень рубил ветки, пусть и с усилием, но уверенно. Я срезал несколько длинных жердей, очистил их от листьев, сложил в сторону. Руки помнили, как вязать лианы, как расщеплять волокна, как делать крепления. Я не помнил, чтобы учился этому, но пальцы сами находили нужный угол, нужное натяжение. Это не радовало и не пугало. Просто было.

К полудню я собрал каркас. Четыре продольные жерди, скреплённые поперечинами. Конструкция была лёгкой, но держалась. Я настелил поверх широкие пальмовые листья, прижал их тонкими планками, перевязал. Плот получился небольшим — примерно в мой рост длиной и чуть шире плеч.

Я стоял над ним и смотрел. Песок вокруг был усеян обрубками, щепками, обрывками коры. Солнце поднялось в зенит и грело затылок. Я тяжело дышал, но не от усталости, а от странного возбуждения. Сделал. Сам.

Есть хотелось почти нестерпимо. Вчера я нашел несколько кокосов под пальмами, разбил их камнем, съел белую мякоть. Сегодня кокосов не прибавилось. Я подумал, что надо бы порыбачить, но отложил на потом. Сначала — испытать плот.

Я потащил его к воде.

Плот волочился по песку с тихим шипением. Я зашёл в воду по колено. Море было прохладным, спокойным, очень прозрачным. Я видел дно: светлый песок, редкие камни, ни одной рыбы. Плот лёг на воду ровно, не кренясь.

Я забрался на него. Сел, скрестив ноги. В руке у меня было самодельное весло — плоский кусок коры, насаженный на обрубок жерди. Я оттолкнулся от дна.

Плот двинулся вперёд. Легко, послушно. Я грёб медленно, привыкая к равновесию. Берег начал отдаляться.

Он покидает центр. Любопытство — топливо этого этапа. Ты ещё не знаешь, куда тебя несёт, но уже не можешь остановиться.

Я грёб прочь от острова. Течение не чувствовалось. Вода была как стекло. Небо всё то же — синее, без облаков. Ничего не менялось.

Я грёб, наверное, минут десять или пятнадцать. Остров уменьшался. Я обернулся: он стал совсем небольшим, как зелёная точка на горизонте. Впереди — только вода.

Вот тогда я это почувствовал.

Сначала — холод. Он пришёл не снаружи, а изнутри, будто я выпил ледяной воды и она растеклась по жилам. Пальцы на весле занемели. Я перестал грести, посмотрел на свою руку. Кожа была обычной, не посинела, но холод усиливался.

Я снова взялся за весло, попытался сделать ещё гребок. Рука не послушалась. Пальцы скрючились и застыли. Я не мог их разжать.

Холод поднимался выше — к локтям, к плечам. Моё дыхание вырывалось облачками пара, хотя воздух оставался тёплым. Я вдруг понял, что плот перестал качаться. Он замер, будто вмёрз в лёд. Волны вокруг исчезли. Вода стала гладкой, как зеркало, и в ней отражалось небо, но какое-то блёклое, словно выцветшее.

Я попытался пошевелиться — не вышло. Шея онемела. Я мог только смотреть прямо перед собой, туда, где должен был быть горизонт. Но горизонт потерял чёткость, размывался, как рисунок, с которого стёрли ластиком контур.

Страх не было. Вместо страха пришла ясность — ледяная, как всё тело. Я понял: дальше нельзя. Если я продолжу, я застыну совсем. И эта мысль не была моей. Она словно проявилась в голове, как надпись на запотевшем стекле.

Я не знаю, сколько я так просидел — минуту или час. Время тоже застыло. А потом так же внезапно холод начал отступать. Сначала вернулись пальцы, потом плечи, потом шея. Я снова мог двигаться. Плот качнулся. Волны зашевелились. Горизонт опять стал линией.

Я развернул плот и погрёб обратно. Руки слушались. Холод ушёл совсем, оставив только лёгкое покалывание в кончиках пальцев.

Он вернулся. Они всегда возвращаются в первый раз. Но он вернулся с вопросом. А вопрос — это уже трещина. Вопрос — это начало конца.

Когда я вышел на берег, ноги дрожали. Плот я вытащил на песок и сел рядом. Солнце всё так же грело. Пальмы всё так же шуршали. Ничего не изменилось. Кроме одного: теперь я знал, что остров меня не выпускает.

Я поднялся, отряхнул песок и пошёл к ручью. Выпил воды. Умылся. Холодная вода привела в чувство. Я снова мог думать. И думать было о чём.

Раньше я просто жил на острове. Теперь я начал задавать вопросы. Вопросы были простые: почему меня заморозило? почему я не испугался? почему плот построился так легко, будто я делал это раньше? и главное — кто я такой, если помню, как строить плоты, но не помню своего имени?

Ответов не было. Был только остров, море и шесть пальм. И где-то за горизонтом — невидимая стена, которая меня не пускает.

Я лёг под навес и закрыл глаза. Утро было тяжёлым, день — долгим. Значит, завтра надо искать другой способ. Может быть, вплавь. Может, под водой. Может, есть что-то ещё на этом острове, чего я не заметил.

Я уснул под равномерный шум волн.

Он уснул. Я остался. Я всегда остаюсь.

Следующая глава начнётся с его пробуждения. И с маленькой находки, которую я для него приготовил. Она ничего не докажет. Но она заставит его сомневаться. А сомнение — мой главный инструмент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.